

Кукольник Нестор Васильевич

**Сочинения Нестора
Кукольника**

Романы 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Сочинения Нестора Кукольника: Романы 2 / Кукольник Нестор Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 584 с.

ISBN 978-5-519-91661-5

Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Полное собрание сочинений
русских авторов.

ISBN 978-5-519-91661-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДВА ПВАПА, ДВА СТЕПАНЫЧА, ДВА КОСТЫЛЬКОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

П Р О В И Н Ц И Я.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ РОМАНЪ И ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

Я вамъ не скажу, высокопочтенный читатель, ни имени губерніи, ни прозванія провинціи, въ которыхъ начался мой романъ: зачѣмъ обременять память вашу географическими свѣдѣніями, которыя теперь уже не свѣдѣнія? Довольно вамъ въ-дать, что романъ мой родился ни въ Москвѣ, ни въ новомъ Питербурхѣ, а въ глубинѣ Россіи, въ густомъ лѣсу, раскинутомъ на пространствѣ многихъ квадратныхъ верстѣ. Опушка лѣса примыкала съ сѣверной стороны къ городскому выгону; большая дорога желтой змѣей вилась по всему выгону и подымалась на небольшую и плоскую возвышенность, на которой простирался городъ. Множество лужъ, пятнами разбросанныхъ по дорогѣ, увеличивало сходство нашего сравненія. На небѣ стояло позднее лѣто; на землѣ — грибная

пора. Въ лѣсу, по обѣ стороны дороги, раздавались разноголосныя *ау!* Черезъ дорогу то и дѣло переходили грибные охотники, то миловидная дѣвушка, то молодой парень, то дворскій челядинецъ. Почти каждый останавливался во срединѣ большой дороги, оборачивался къ городу; снявъ шапку крестился, кланялся на деревянный соборъ, и уходилъ въ лѣсъ съ поспѣшностью, затягивая свое *ау!* Громче другихъ раздавался звонкій, мужественный голосъ молодаго человека, котораго по одеждѣ нельзя было тотчасъ не признать баринномъ, хозяиномъ и лѣса и людей, собиравшихъ грибы; на немъ былъ охотничій охабень, съ откидными рукавами, перетянутый кожанымъ лакированнымъ поясомъ; у пояса съ одной стороны висѣлъ широкій ножъ, съ другой фляга, заплетенная въ мелкіе прутья; мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, красиво одѣтый, тащилъ за нимъ порядочную корзину, нагруженную грибами разнаго рода.

— «Трошка!» сказалъ баринъ: «подыми-ка! Вопъ какое грибище сидитъ. Ни дать, ни взять няня Ильинишна.»

Пока Трошка снималъ грибъ, очищалъ его отъ моха и наноса, молодой баринъ во все горло кричалъ: *ау, да ау!*

Никто не откликался. Или лучше сказать откликалось много голосовъ, да не слышно было того, котораго ему хотѣлось.

— «Ахъ ты, озорница!» сказалъ баринъ: «а я еще говорилъ ей: на двадцать шаговъ не моги отходить! а она, чай, притворомъ заплуталась; того

и гляди сбѣжитъ; а скажутъ волкъ съѣлъ. — И уже не обипуясь онъ сталъ кричать: Маланья, Маланья!

По всему лѣсу раздалось имя Маланьи, только съ прибавкой: Ивановна. Другіе, видно, не смѣли кликать ее иначе... Въ то же время по дорогѣ тащился не малый обозъ. Разнородныя повозки обнаруживали, что это потѣздъ не мало-важной персоны; первая повозка была колымага; шесть дюжихъ лошадей тащили ее шагкомъ; возлѣ шелъ пѣшкомъ въ польскомъ платьѣ высокій парень съ арапникомъ и повелительно приказывалъ молчаніе. Всѣ проводники, то есть: кучера и челядинцы съ трепетомъ посматривали на арапникъ, и хранили глубокое безмолвіе. Только и слышавъ былъ стукъ колесъ да копытъ, при медленномъ движеніи потѣзда, весьма незначительный; за потѣздомъ, также шестерка тащила большую бричку, затянутую полотномъ; за нею на четырехъ тройкахъ ѣхала челядь, везли чемоданы, сундуки и прочая. Крики со всѣхъ сторонъ: Маланья Ивановна, Маланья Ивановна! раздались въ лѣсу именно въ то время, когда колымага бережно спускалась въ огромную лужу, разлитую поперекъ всей дороги, такъ, что парень съ арапникомъ, долженъ былъ проходить въ бродъ, что онъ и началъ исполнять вмѣстѣ съ лошадьми весьма совѣстливо и осторожно. Но едва раздались крики, какъ изъ колымаги послышался женскій голосъ:

— «Что тамъ такое? Городъ, что ли? А я тебѣ, болванъ, говорила: ѣхать шагомъ. Иноспать не дали!..»

Крики въ лѣсу продолжались... Запавѣска въ колымагѣ отдернула; и оттуда выглянула голова повязанная платкомъ, и грознаго вида.

— «Что тамъ такое? Пу, я здѣсь; что надо?»

Но грозное и румяное лицо въ минуту поблѣднѣло, когда путешественница замѣтила, что голоса неслись изъ лѣса.

— «Лѣшіе!» вскрикнула она — и спряталась, и задернула запавѣску, и окутала голову въ подушки и перины, которыми колымага была исполнена. Въ бричкѣ произошла та же сцена, съ небольшими переменами; полотно пѣ-скоро отпахнулось; въ отверстіе выглянула голова такого же объема и вида; по голосу только можно было узнать, что въ бричкѣ пребывалъ мужчина.

— «Что за шумъ!» воскликнулъ путешественникъ. «Дамъ я вамъ воеводскій сонъ тревожить!»

Но въ то же мгновеніе, замѣтивъ откуда голоса, воевода поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ...

— «Семепъ, Вуколъ, Евлампій, Андрей, Марфа, «Паланика, творите молитвы, то лѣшіе.»

И воевода сталъ креститься обѣими руками... Лѣшіе! закричало множество голосовъ; посыпались нещадные и неисчетные удары кучерскихъ плетей; лошади понеслись во всю мочь; парень съ арапникомъ, видя, что его оставляютъ на жертву всему сборищу лѣшнихъ, съ отчаянья вскочилъ на желѣзную ножку брички и ухватился обѣими руками за полотно; оно рвалось въ рукахъ его; онъ хватался за обручи; и тѣ не выдержали;

въ ужасѣ онъ уцѣпился за воеводу; а тотъ за-
жмурыясь кричалъ во все горло :

— «Отпусти душу на покаянье! Со всей провин-
ціи ни алтына нѣ возьму, ни ложки патоки; ужъ
тогда меня кушай, какъ взятку возьму... Ой, ду-
шитъ, душитъ! Помогите!»

Напрасно! Каждый думалъ о себѣ, даже лоша-
ди неслись, или лучше сказать несли воеводскій
поѣздъ, съ курьерскою быстротою. Три или че-
тыре версты, остававшіяся до города, проскакали
во весь опоръ и какъ вкопанныя остановились пе-
редъ постояннымъ дворомъ, саня и помахивая
ушами. Не успѣли путешественники очнуться, какъ
уже цѣлая провинція, то есть, весь городъ окру-
жилъ поѣздъ. Осмѣясь открыть глаза, воевода
съ ужасомъ увидѣлъ, что за ноги его всё-еще
держался гайдукъ Семень.

— «Плетей!» закричалъ воевода: «Такъ это ты
вздумалъ льшаго показывать... Это что! Мы въ
провинціи! Въѣхали безъ трезвона, безъ церемо-
ніи! Вотъ я тебя! Вставай!»

И воевода давай тузить Семена, къ общему удо-
вольствию всей провинціальной публики. Громкій
смѣхъ стался по всей площади и привелъ воеводу
въ неистовство; онъ успѣлъ какъ-то освободить
ноги изъ окоченѣлыхъ рукъ Семена, всталъ, но
какъ всю бричку наполняли перины, то воевода,
качаясь на пуховой каедрѣ, возгласилъ тако :

— «Смирно! Дамъ я вамъ смѣяться надъ ва-
шимъ воеводой!»

Горожане оробѣли; смолкли; одни пустились

бѣжать; другіе, ближайшіе къ сценѣ, повалились въ грязь на колѣни, и низменно кланяясь, жалобно вопили: — Прощенья просимъ, государь воевода; опознались, батюшка, отецъ нашъ родимый!

— «То-тоже!» сказалъ воевода, ободряясь и подбоченьясь. «По домамъ! А кто въ четверть часа не будетъ сидѣть дома, или будетъ сидѣть дома, да учнетъ глазѣть въ окошко — весьма будетъ оштрафованъ. По рублю съ рыла! По домамъ!...»

И площадь опустѣла. Провожая бѣгущихъ взорами и довольною усмѣшкой, воевода выползъ изъ брички и подошелъ къ колымагѣ.

— «Меланья Ивановна!» сказалъ онъ тихо.

— «Пришла моя? бѣда!» шептала воеводиха: «подбирается.»

— «Меланья Ивановна, да не бойтесь ничего, это я, вашъ супругъ и сожитель, Максимъ Ивановичъ...»

— «Да ужъ если бы ты былъ Максимъ, такъ не я, а ты бы меня боялся; а ты не Максимъ, ты извѣстно кто...»

— «А кто же я, Меланья Иванаовна?...»

— «Да я никогда богомерзкихъ словъ не говорю и не говорила; а если и случалось какъ ни есть сказать непутное слово, такъ безъ умысла, видитъ Богъ, безъ всякаго намѣренія.»

— «Кто объ этомъ говоритъ; вы такіе благодушные...»

— «Видишь, видишь, какъ подмасливается! Благодушная не благодушная, а такая, какъ и всѣ грѣшныя Еввины внучки.»

— «Такъ подымайтесь, Меланья Ивановна, пока никого на площади нѣтъ.»

— «А ты меня и скушаешь...»

— «Гдѣ мнѣ! И лѣтній подавится. Да перестаньте же бояться; надо приниматься за воеводство; а скоро и солнце зайдетъ.» Съ этими словами воевода собственноручно — отдернулъ занавѣску и Меланья Ивановна, всплеснувъ руками, приподнялась на перинахъ:

— «Батюшки свѣты! Точно! Ты! Максимъ Ивановичъ! Ты, Буруновъ, воевода!... а это наша провинція, что ли? Это наши улицы?»

— «Наши, матушка Меланья Ивановна! Только подымайся проворнѣе. Любопытство заперъ я на замки, окна имъ замазалъ воеводскимъ словомъ, да этотъ порокъ, матушка, пожалуй въ трубу выльзетъ... Такъ поторопись, пока никого нѣтъ!»

— «Да какъ же я потороплюсь? Вѣдь ты знаешь, что я ноги разула; жару боялась, а чулки и башмаки Палашка еще на томъ постояломъ двѣрѣ, гдѣ почевали, съ собой унесла. Поди-ка, кликни Палашку...»

Пока Меланья Ивановна обувалась, и оправляла остальной свой дорожный нарядъ, Максимъ Ивановичъ пошелъ на постоялый дворъ языка добыть: справился гдѣ земская контора, гдѣ воеводскій домъ. По счастью хоромы, предназначенныя для жительства воеводы, были близко и стояли впускъ, нѣсколько шаговъ, и повозъ сталъ разгружаться. Всѣ сундуки, узлы, костюмы, котлы, перины, подушки, хомуты, словомъ всѣ вещи, включитель-

но съ Мелашей Иваповной и челядинцами, размѣстились въ осьми такъ называемыхъ *чистыхъ* покояхъ и въ полномъ смыслѣ печистыхъ кухнѣ, людскихъ, сѣняхъ, каморкахъ, и другихъ разнаго рода и званія шкафикахъ. Чистые покои отъ нечистыхъ отличались тѣмъ, что въ чистыхъ были окна по-шире, но безъ стеколъ; печи на деревянныхъ ножкахъ, и стѣны нѣкогда обиты бумагой съ узорами; но эти провинціальныя обои повсемѣстно были проточены домашними настыкомыми; отклеились и при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, имѣвашаго свободный входъ въ воеводскія хоромы со всѣхъ сторонъ, производили гармоническій шумъ, подобно тому, когда глубокая осень изъ сухихъ листьевъ стелетъ зимъ постельку и ворчитъ немолчно. Замковъ у дверей, петель у оконъ, дверецъ и заслонокъ у печекъ, не было. Глядя на эти хоромы, можно было подумать, что тутъ давнымъ-давно не жили люди. Но это не поражало пріѣзжихъ; одинъ только Максимъ Иваповичъ поглядывалъ на рапы въ дверяхъ и окнахъ, и лукаво улыбался. Меланья Ивановна суетилась; ходила взадъ и впередъ по всемъ комнатамъ и съ важностью рѣшала: гдѣ быть спальнѣ, гдѣ столовой, гдѣ дѣтской...

— «Да зачѣмъ же дѣтская?» спросилъ Максимъ Иваповичъ.

— «Какъ зачѣмъ?»

— «Да вѣдь у насъ пѣтъ дѣтей!»

— «Все одно. А дѣтская пускай будетъ. Такъ и у нашего воеводы было: я ужъ все высмотрѣла. Точь-въ-точь такой же порядокъ будетъ и у меня.»

— «Да зачѣмъ же матушка, когда дѣтей...»

— «Перестанешь ли ты умничать! Вотъ только разсерди меня, дюжину дѣтей заведу, надъ ухомъ тебѣ усажу; писку да крику будетъ на три дома. Каждый сверчокъ знай свой шестокъ; ты управляйся съ провинціей, радѣй о доходцѣ, а хозяйство — мое дѣло. Для бумажныхъ дѣлъ вотъ тебѣ канурка; окно есть, чего больше; а въ хоромы не вступайся! Вотъ ты бы лучше послалъ за комиссаромъ; помнишь, какъ Анна Екимовна за тобой посылала; наказалъ бы ему какой ни есть рухляди поднести; на первый случай хоть бы кровать для меня: а ты ночь проспичь и на лежанкѣ; да велѣлъ бы перекуску какую сладить. Не тратиться же въ своей провинціи на харчевню.

— «Знаешь, и водочки...»

— «Ну ужъ, на первыхъ порахъ тебѣ бы остеречься. Подмѣтятъ, что лакомка, вмѣсто денегъ, стапуть харчами отдѣлываться. За водкой-то можно бы и Семена послать; пусть возьметъ на алтынъ, будто для себя...»

— «Дѣло, жена! Люблю разумную рѣчь. Эй Семенъ! Подика, возьми косулю; да прежде въ земскую контору зайди, да въ сѣняхъ такъ и гаркни: — Его высокоблагородіе осьмага класса воевода Максимъ Ивановичъ спрашивать изволить къ себѣ земскаго комиссара здѣшняго уѣзда!»

Не прошло и десяти минутъ, какъ на дворъ послышался споръ между голосами, все басоваго разряда...

— «Помилуйте, Иванъ Петровичъ, его высокоблагородіе изволило меня кликать...»

— «Поди ты, Өомка! пусти, я старше, мнѣ и идти прежде. Чинъ чина почитай...»

— «Но вы можете погубить меня; могутъ принять за непослушаніе...»

— «То-то же, Өомка! Слушаться! Посторонись!»

И по тесовому крыльцу закришѣли тяжкіе шаги тучной персоны. Какъ черная туча своей громовой музыкой наводитъ страхъ и трепетъ, такъ голосъ и походка тучной персоны заставила Максима Ивановича невольно застегнуться и поправить рѣдкіе волосы на головѣ, которая къ досадѣ воеводы блистала наготою, а оба парика были подъ снудомъ, въ неизвѣстныхъ ему сундукахъ. Никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій нельзя уже было сдѣлать, потому что персона въ зеленомъ кафтанѣ и преогромномъ парикѣ, пригнувшись въ дверяхъ, бережно вступила въ комнату и остановилась у порога.

— «Что тебѣ, батюшка, надо?» спросила Меланья Ивановна.

По Максимъ Ивановичъ перебилъ :

— «Не путайся, жена, не въ свое дѣло; это уже мое хозяйство; подлежитъ моему начальству. Ну-ка, батюшка, кто ты и что тебѣ надобно?»

— «Такой-то провинціи, такой-то губерніи, земскій камериръ, то есть надзиратель за сборами, пришелъ по силѣ Генеральнаго Регламента главы XXIV «о комплиментахъ,» господину воеводѣ, яко президенту моему, честь отдать и респектъ учинить...